

Г. М. Мандрикова

Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия

mandricova@mail.ru

«НАПЕРСНИК РАЙСКИХ КУЩ», ИЛИ ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ АГНОНИМИИ

Обсуждается проблема агнонимии как антропоцентрической лексической категории, и на материале текстов Тотального диктанта рассматриваются агнонимы – непонятные или малопонятные носители языка лексические и фразеологические единицы. Особое внимание уделяется зонам агнонимического риска для носителей языка, к которым можно отнести заимствованную лексику, специальную лексику, редкие и устаревшие слова, лингвокультурные единицы. В качестве примеров агнонимов в Тотальных диктантах приводятся единицы, извлеченные из текстов диктантов 2012–2014 гг.

Ключевые слова: агнонимия, агнонимы, лексическая компетенция носителя языка, коммуникативная готовность слова.

Работа на курсах «Русский по пятницам», слушатели которых стремятся как можно лучше подготовиться к написанию Тотального диктанта, повторяя правила орфографии и пунктуации и выполняя различные задания на применение этих правил, позволила мне в полной мере убедиться в том, что, помимо сложностей с орфографией и пунктуацией, носители языка сталкиваются с особым рода трудностями, возникающими как при обращении к текстам, привлекаемым для подготовки к диктанту, так и на самом диктанте. Речь идет об **агнонимии**, под которой мы понимаем антропоцентрическую категорию, отражающую меру незнания слов родного языка его носителями [Морковкин, 1992]. Приведем лишь несколько примеров из текстов упражнений: *Кручинин вовсе не святоша, он не страдает манией нуризма – свойством лицемеров* (Н. Н. Шпанов. Ученик чародея); *Маша никак не **сульфида**, а всего лишь хитрая змея, которая хочет завладеть ее лаврами, и отказалась давать ей уроки* (О. Д. Форш. Михайловский замок); *Юрьевецкий монастырь уже не монастырь, не **братчина**, не **вотчина**, он – государство* (Ю. Н. Тынянов. Пушкин); *Ну, а наши молодые люди уже все*

реформаторы или, еще хуже, – эпикурейцы... (В. Г. Короленко. Без языка) и т. п.

Выделенные слова – это агнонимы, т. е. лексические и фразеологические единицы языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны его носителям. Агнонимия, безусловно, проблема в первую очередь индивидуальная для каждого носителя языка, и с этой позиции агнонимы в количественном отношении могут быть охарактеризованы как разность между множеством слов этноязыка и множеством слов, которым владеет этноперсона, т. е. между национальным лексиконом и лексиконом индивидуальным [Михневич, 2004]. Поскольку индивидуальные лексиконы никогда не совпадают, то не может быть четко определено и количество актуальных агнонимов, хотя само явление агнонимии сомнению не подлежит.

Напомним, что агнонимия как антропоцентрическая категория концептуально разработана В. В. Морковкиным почти 20 лет назад. В рамках теоретического рассмотрения агнонимии была заявлена и исследована ее лексикологическая и ментально-когнитивная сущность, а также предложена обоснованная лексикографическая интерпретация агнонимичных единиц. По прошествии

этих лет можно сказать, что агнонимия стала объектом серьезного изучения в других аспектах, возникших благодаря уже имеющейся теоретической базе.

В основе выделения агнонимов лежит признак полной или частичной несформированности образа слова в сознании носителей языка. Коль скоро значение слова ввиду его семной организации представляет собой неоднородный объект, постижение этого значения языковой личностью может характеризоваться различной степенью, что вскрывает градуальный характер категории агнонимии: признак, положенный в основу выделения агнонимов, может проявляться в разной мере – слово может быть а) совсем неизвестно, б) более или менее понятно, в) понятно в общем, г) понятно, д) известно без малого и, наконец, е) известно в полной мере. Указание на неоднородность данной категории содержится уже в самом определении агнонимов.

По мнению В. Д. Черняк, «объем и характер лексикона являются индивидуально обусловленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтение, знание иностранных языков, место жительства и др.)» [2003. С. 295–296]. Автор приводит слова В. Живова и А. Тимберлейка о том, что носитель языка «перестает быть просто медиумом, стоящим между языком и речью, и социальная природа языка приобретает конкретные очертания, будучи обусловлена активностью носителя как члена языкового социума. От носителя зависит, что именно реализуется в его речи, какие элементы языка он востребует из своего языкового опыта, имея дело с той или иной ситуацией» (цит. по: [Черняк, 2003. С. 296]).

В случае Тотального диктанта носитель языка – он же пишущий – лишен такого права выбора. Точнее сказать, от него не зависят те самые элементы языка, которые реализуются в тексте автора диктанта, обращенного к пишущему. И в этой ситуации разница лексиконов, о которой уже упоминалось, не позволяет обеспечить необходимое успешное сотрудничество между автором и пишущим, которое французский исследователь К. Ажеж называет совместным построением смысла [2003. С. 223]. Такое совместное построение смысла возможно при наличии так называемых точек коммуникативного согласования, когда языковые единицы, используемые партнерами по общению, обладают или должны обла-

дать общим содержательным наполнением. Отсутствие подобных точек характеризует ситуацию столкновения носителя языка с агнонимами. При этом агнонимичность конкретной языковой единицы вовсе не является очевидной для самого носителя языка, использующего подобную единицу. Особенно это заметно в ситуациях, когда тот или иной человек с легкостью оперирует словами, значение которых он представляет весьма приблизительно. Именно случаи частичной агнонимии являются наиболее сложными и интересными в исследовательском отношении. Частичная агнонимия порождает иллюзию понятности, т. е. несоответствие чьего-либо понимания смысла слова его действительному содержанию при уверенности в правильном понимании этого слова [Введенская и др., 2003. С. 124].

Обратимся к текстам диктантов последних трех лет: «Орфография как закон природы» Д. Быкова (2011 г.), «Мне – не всё равно» З. Прилепина (2012 г.) и «Опасности райских кущей» Д. Рубиной (2013 г.)¹. Практически все лингвисты, озаботившиеся рассмотрением состава агнонимов, выделяют как минимум 3 группы таких слов: 1) лексика пассивного фонда (историзмы, архаизмы, редкие слова), 2) заимствованная лексика (освоенная и новейшая, включая модные слова), 3) специальная лексика (термины). Именно такой «расклад» агнонимической лексики, как мы предполагаем, будет представлен в сформированном нами списке потенциальных агнонимов, извлеченных из вышеназванных текстов, ср.: *экзистенциальный, плебс, монстры покроя Гитлера или Муссолини, «восстание масс», райские кущи, «хлеб и зрелища», хакер, наперсник, проповедник и исповедник, площадной (смысл), евангелие, этрусски, из Гугла в Яндекс, безапелляционный, сетования, венец творения, массовый пароксизм индивидуализма, провоцировать декларации, кульбит, идентифицировать, послание в бутылке, подворотня, хеджирования портфеля ГКО с помощью фьючерсов, благорастворение воздушных, в сени либеральных законов.*

Таким образом, убежденность лингвистов в том, что агнонимичной лексикой в большинстве случаев для носителей языка являются заимствования (*экзистенциальный, идентифицировать, пароксизм индивидуализма, безапелляционный, плебс, либеральный, провоцировать декларации*), устаревшая

¹ См.: <http://totaldict.ru/texts/>

(в сени, наперсник, сетования), специальная лексика (хакер, Гугл, Яндекс, хеджирование, фьючерсы, евангелие, кульбит, проповедник, исповедник), редкие слова (этруски, площадью, подворотня), подтверждается нашим материалом. Необходимо отметить, что авторские тексты Тотальных диктантов также содержат единицы, которые принято считать лингвокультурными (покроя Гитлера или Муссолини, «восстание масс», райские кущи, послание в бутылке, венец творения, «хлеб и зрелища», благорастворение воздухов), причем их агнонимичность для разных групп пишущих не вызывает сомнений.

Все названные единицы, на наш взгляд, обладают достаточно высокой степенью агнонимичности для, скажем так, среднего носителя языка, хотя для части пишущих (думаю, и читающих данную статью) они, конечно же, таковыми являться не будут, хотя массовый пароксизм индивидуализма способен хоть кого поставить в тупик.

В группе потенциальных агнонимов-заимствований (плебс, либеральный, провоцировать декларации, пароксизм индивидуализма, экзистенциальный, идентифицировать, безапелляционный) практически нет «простых» слов, т. е. все они в той или иной мере представляют собой единицы, трудные как для понимания, так и для написания, несмотря на то, что, вероятнее всего, ранее встречались пишущим в устной или письменной речи.

Устаревшая лексика немногочисленна (в сени, наперсник, сетования), однако в слове наперсник ошибку в написании (наперс(т)ник) сделали более половины участников последнего диктанта, объяснив ее как раз незнанием значения данного слова, т. е. в данном случае речь идет о типичной агнонимической ошибке.

Рассмотрим группу терминологических агнонимов (хакер, Гугл, Яндекс, хеджирование, фьючерсы, евангелие, кульбит, проповедник, исповедник), которая названа так, впрочем, несколько условно, поскольку собственно терминами (новейшими экономическими заимствованиями) являются хеджирование и фьючерсы, а все остальные слова данной группы уже давно «ушли в народ», т. е. детерминологизировались. Тем не менее для многих немолодых участников диктанта хакер, Гугл, Яндекс вполне могут быть неведомыми словами из области «компьютерной грамотности», а для молодых еванге-

лие, проповедник и исповедник окажутся чем-то религиозным, может быть, даже известным, но без конкретных деталей, как, вероятнее всего, и кульбит. Иначе говоря, данные лексемы будут если не полными, то частичными агнонимами для нашего среднего участника Тотального диктанта.

К частичным агнонимам можно, по всей вероятности, отнести и группу редких слов (этруски, площадью, подворотня). Как представляется, причиной этого является отсутствие широкого круга чтения и привычки в нужных случаях обращаться к соответствующей справочной литературе.

Обращаясь к группе лингвокультурных единиц различного происхождения и лингвистического статуса, отметим, что библеизмы райские кущи, венец творения и благорастворение воздухов оказались серьезным испытанием для пишущих. Не случайно разными источниками они относятся к книжным, устаревшим, редким и т. п. Некоторые участники диктанта использовали при написании данных устойчивых единиц рефлексивные кавычки, что, по мнению А. Г. Жуковой, свидетельствует о невысоком уровне культурологической компетенции пишущих, так как склонность к закавычиванию фразеологизмов имеют те носители языка, в личном тезаурусе которых подобные единицы отсутствуют [2011]. Следовательно, библеизмы райские кущи, венец творения и благорастворение воздухов можно смело отнести к так называемым фразеологическим агнонимам [Жукова, Мандрикова, 2004].

Райские кущи некоторые участники диктанта пытались переделать в более привычные пущи. Данный случай неверного выбора обусловлен большей частотностью употребления одного слова на фоне другого (лексема пуща (ср. Беловежская пуща) более известна носителям языка), а также некоторым формальным сходством двух лексем. Иначе говоря, слово пуща находится у носителей языка в большей степени коммуникативной готовности (термин В. В. Морковкина), нежели куща / кущи / райские кущи. Коммуникативной готовностью слова называется мера трудности его речевой мобилизации по требованию случившегося здесь и сейчас смыслового задания. Коммуникативная готовность слова определяется, во-первых, степенью усвоенности человеком плана содержания слова; во-вторых, продуктивной и / или рецептивной употреби-

тельностью слова в речевом поведении человека; в-третьих, формальной и содержательной выделенностью слова на фоне других слов, имеющих в языковом сознании.

Выражения «*восстание масс*», «*хлеб и зрелища*» – это собственно цитаты (первое – название труда испанского политолога Х. Ортега-и-Гассета, исследовавшего характеристики человека-массы как основы современной западной культуры, а второе – цитата из сочинения римского поэта Ювенала), которые перед написанием диктанта предъявлялись в презентации на отдельном слайде.

Что же касается выражений *послание в бутылке* и *покроя Гитлера или Муссолини*, то я бы отнесла их к прецедентным феноменам – прецедентной ситуации и прецедентному имени (*Гитлер*). В любом случае, думаю, что не все пишущие, особенно молодежь и школьники, уверенно справились с этими выражениями.

В заключение важно отметить, что незнание или неполное знание носителем языка определенного количества слов, т. е. агнонимия, ведет, во-первых, к ограничению внутренних возможностей мышления, а во-вторых, к потенциальным затруднениям личности в процессе коммуникации – невозможность адекватного понимания речевого произведения, содержащего агноним, не позволяет свободно пользоваться языком во всем реестре имеющихся у него функций.

Рассмотрение текста Тотального диктанта с точки зрения агнонимии как антропоцентрической лексической категории, непосредственно связанной с «человеческим фактором» в использовании языка, позволяет определить зоны повышенной агнонимической активности и, соответственно, зоны агнонимического риска для носителей языка. Внимание к проблеме агнонимии, попытки ее преодоления конкретным носите-

лем языка, в том числе и на примере написания Тотального диктанта, способно, пусть в небольшой мере, но все же повысить языковую компетенцию носителей языка, а также развить их интеллектуальные возможности и расширить культурный кругозор.

Список литературы

Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие для вузов. 5-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 544 с.

Жукова А. Г. Рефлексивные кавычки в устной коммуникации: особенности функционирования (на примере радиотекстов) // Русский язык и литература во времени и пространстве: Сб. науч. ст. и докл. К 45-летию Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина / Сост. В. В. Молчановский. М., 2011. С. 55–65.

Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Танцуем от печки (к вопросу о фразеологической агнонимии) // *Τέχνη γραμματικῆ* (Искусство грамматики). Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 158–166.

Михневич А. Е. Агнонимы – феномен языка, знания или культуры? // Материалы VI Междунар. науч. конф. «Язык и социум». Минск, 2004.

Морковкин В. В. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития: Материалы общесоюз. конф. Симферополь, 1992. С. 142–145.

Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. М.: 2003. Вып. 2. С. 295–304.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2014

G. M. Mandrikova

THE CONFIDENT OF HEAVENLY PASTURES, OR THE TOTAL DICTATION THROUGH THE THEORY OF AGNONYMY

In the following article the problem of agnomy as an anthropocentric lexical category is discussed. Agnomys in the form of lexical and phraseological units ambiguous or unknown for a native speaker are analyzed on the basis of the texts of the Total Dictation. The special attention is given to zones of agnomymical risk for native speakers, which may include adopted lexis, special lexis, rare and outmoded words, linguocultural units. The units, which are taken from the dictations of 2012–2014, are given as examples of agnomymies in Total Dictation.

Keywords: agnomy, agnomys, lexical competence of a native speaker, communicative responsiveness of a word.